

«V-Я РИМСКАЯ ЭЛЕГИЯ ГЕТЕ» В ПЕРЕВОДЕ А.Н. ЯХОНТОВА¹

В статье проводится сопоставительный анализ трех переводов V «римской» элегии Гете, выполненных в 1839 г. А.Н. Струговщиковым, в 1842 и 1860 гг. псковским литератором А.Н. Яхонтовым.

Ключевые слова: художественный перевод, «Римские элегии» Гете.

S.L. Konstantinova

A.N. YAKHONTOV'S TRANSLATION OF «GOETHE'S FIFTH ROMAN ELEGY»

The article is devoted to the comparative analysis of the three translations of Goethe's V-th Roman Elegy. The first was made in 1839 by of A.N. Strugovshchikov, the others - in 1842 and in 1860 - by the Pskov writer A.N. Yakhontov.

Key words: Literary translation, «The Roman Elegies» Goethe.

Имя уроженца Псковской губернии Александра Николаевича Яхонтова (1820-1890), в 40-50-е годы занимавшего должность Советника в Палате Государственных имуществ, в 60-е назначенного директором Училищ Псковской губернии, в 70-80-х годах неоднократно избиравшегося Псковским Уездным Предводителем Дворянства, было достаточно хорошо известно не только псковичам, но и читающей публике других регионов России. В 1844 году по рекомендации И.С. Тургенева и И.И. Панаева журнал «Отечественные записки» опубликовал в переводе А. Яхонтова драматическую поэму Гете «Торквато Тассо» – это была первая напечатанная работа псковского поэта. В дальнейшем оригинальные стихи Яхонтова и его переводы из Гейне, Гете, Шиллера, Шекспира, Лессинга, Мицкевича, Лафонтена печатались в журналах «Современник», «Отечественные записки», «Искра», «Вестник Европы», «Живописное обозрение», «Наблюдатель» и других изданиях.

Предметом рассмотрения в данной статье станет V элегия из поэтического цикла Гете «Римские элегии», переведенная А.Н. Яхонтовым дважды. Первый перевод, обнаруженный Л.А. Твороговым [5, с. 4] в рукописных тетрадах поэта, датирован 1842-м годом²; второй, выполненный в 1860-м году, опубликован под названием «V-я римская элегия Гете» в сборнике 1884 года «Стихотворения Александра Яхонтова» [8, с. 83]. Возникает вполне закономерный вопрос о причинах, побудивших поэта, во-первых, обратиться к переводу именно этой элегии и, во-вторых, несколько скорректировать уже сделанный перевод.

Впервые «Римские элегии» Гете были переведены на русский язык в 1839 году³ молодым переводчиком А.Н. Струговщиковым [6]. В 1867 году именно его переводы были включены в собрание сочинений Гете, изданное под редакцией П. Вейнберга [7, с. 175-202]. Сразу же после выхода книги Струговщикова в «Литературной газете» появилась рецензия В.Г. Белинского [1], спустя год переделанная в развернутую статью, главными темами которой становятся: «Возможность античной поэзии в наше время не как подражания, а как свободно-

¹ Исследование осуществлено в рамках проекта-победителя конкурса проектов в области гуманитарных наук (по соглашению с Российским гуманитарным научным фондом) № 10-04-2640 а/В «Творчество псковского литератора А.Н. Яхонтова в контексте русской и зарубежной литературы».

² В одной из рукописных тетрадей помещены еще два перевода из «Римских элегий» Гете – отрывок из IV-й элегии («Богиня случая») и XVII-я элегия («Многие звуки меня раздражают, но больше других, ненавистны...») [4, с. 4].

³ В посвященной «Римским элегиям» статье В.Г. Белинского указан 1840-й год.

го творчества. – Нравственность древней поэзии. – Нравственность «Римских элегий» Гете. – Сущность антологической поэзии. – Антологическая поэзия в русской литературе. – Ломоносов, Дмитриев, Державин, Гнедич, Батюшков, Пушкин. – Размер, приличный антологическим стихотворениям. – О переводе «Римских элегий» Гете на русский язык» [2, с. 94].

Давая общую характеристику «Римским элегиям», Белинский пишет: «Любовь первой юности, любовь эллинская, артистическая – основной элемент «Римских элегий» Гете. Молодой поэт посетил классическую почву Рима; душа его вольно раскинулась под яхонтовым небом юга, в тени олив и лавров, среди памятников древнего искусства. Там люди похожи на изящные статуи, там женщины напоминают черты Венеры Медичейской. Ленивая, сладострастная, созерцательная жизнь, проникнутая чувством изящного, там вполне соответствует идеалу художника. Гете бросился в эту жизнь со всем забвением, со всем упоением поэта! дни свои посвящал он учению, ночи – любви, как он сам говорит в этой прекрасной элегии:

Весело, славно живу я здесь на классической почве;
Утро проходит в занятиях: читая творения древних,
Ум постигает ясней век и людей современных;
Ночь посвящаю богу любви: пусть вполровку
Буду я только учен, – да за это блажен я трикраты!
Впрочем, учиться могу я и тут, как везде, созерцая
Формы живые лучшего в мире созданы; в ту пору
Глазом смотрю осязающим, зрячей рукой осязаю
Тайну искусства, мрамор и краски вполне изучая» [2, с. 109-110].

Между тем, переводом именно этой, процитированной выше, V-й элегии критик остался недоволен. В финальной части статьи Белинский напишет о том «неприятном впечатлении», которое производят «...пропуски в V-й элегии, которая и у самого Гете более других дышит всею роскошью пластической красоты. Вот перевод:

<...>

Если ж подруга уснет, я уношуся далеко,
Глядя на образ прекрасной, где жизнь и покой сочетались:
Мысли одна за другою текут вереницей, и тщетно
Гаснет лампада. *О други! и тут несказанно добрая,
Нежным дыханием сердце она согревает, надолго
Римского лика черты в памяти мне оставляя.*

<...>

Это уже и не подражание – не только не перевод. Как ни досадно нам исказить дивную поэзию Гете нашу пошлою прозою, но мы не можем не передать смысла его стихов в следующем, почти буквальном переводе, чтобы все читатели могли быть судьей в этом обстоятельстве:

И разве я не учусь, исследуя формы любимой груди, вода моею рукою по прекрасному телу? Тогда только вполне понимаю я мрамор; я думаю и сравниваю, вижу осязающим оком, осязаю зрящею рукою. И ежели любезная похищает у меня несколько часов дня, то она дает мне в вознаграждение часы ночи. Не все же целоваться – иногда мы и разумно беседуем; и если она предается сну, я лежу и много думаю. Часто мой гений творил в ее объятиях, и меру гекзаметра тихо считал я на ее плече пальцами руки моей. Она дышит в сладостном сне, и ее дыхание прожигает меня до глубины груди. Амур снова поправляет лампу и думает о временах, когда он оказывал такую же услугу своим триумвирам.

Впрочем, это единственная элегия, совершенно переделанная переводчиком; во всех прочих встречаются только частные изменения и отступления» [2, с. 123-124].

Здесь же критик замечает: «...что касается до мелких недостатков перевода г. Струговщикова, они много выкупаются верностию веющего в нем Гетева духа. Конечно, перевод г. Струговщикова далеко не заменяет подлинника, но дает о нем понятие не словами, а колоритом и благоуханием, словом – более или менее удачно схваченною в нем жизнью... Не знающие немецкого языка обязаны г. Струговщикову знакомством с “Римскими элегиями”

Гете; выучившись языку подлинника, они найдут в них не что-нибудь незнакомое, но сердце их радостно и весело забьется от того чистого, первоначального звука, которого самое эхо так очаровывало их и заставляло с таким упоением прислушиваться. Это может делать только истинный талант: ибо дух открывается и дается только духу, не повинуюсь мертвому знанию буквы и уменью или навыку передавать ее хотя бы и в гладких, звучных стихах. <...>. Пятую элегию г. Струговщикова надо перевести вновь; недостатки в прочих исправить: его таланта на это станет!» [2, с. 124]

Не вызывает сомнения тот факт, что и опубликованная в «Отечественных записках» статья Белинского, и, конечно же, перевод Струговщикова были хорошо известны Яхонтову, служившему в это время в Первом департаменте министерства государственных имуществ Санкт-Петербурга. Вполне возможно, что молодой поэт не только естественным образом вдохновился творением великого Гете, которое, по словам Белинского, «...более других дышит всею роскошью пластической красоты» [2, с. 123], но рискнул исправить ошибки своего предшественника – А.Н. Струговщикова⁴, чьи переводы произведений Гете достаточно активно появлялись в печати в 1839-40-х годах⁵.

Для сравнения приведем оба перевода полностью (тексты печатаются в современной орфографии):

V-я элегия Гете в переводе А.Н. Струговщикова (1839) [6, с. 13-14]	V-я элегия Гете в переводе А.Н. Яхонтова (1842) [5, с. 4]
Весело, славно живу я, здесь, на классической почве; Утро проходит в занятиях: читая творения древних, Ум постигает ясней век и людей современных; Ночь посвящаю богу любви; пусть в половину Буду я только учен, - да за это блажен я трикраты! Впрочем, учиться могу я и тут, как везде, созерцая Формы живые лучшего в мире создання, в ту пору Глазом смотрю осязающим, зрящей рукой осязаю; Тайну искусства, мрамор и краски вполне изучая.	Весело мне! Вдохновлен я на этой классической почве! Громче, понятней вещают здесь нынешний век и минувший; Здесь поучаюсь советами Древних, и с новым всегда наслажденьем, Каждое утро, труды их люблю перелистывать тихо. Но, по ночам, бог любви занимает прищельца иначе: Пусть в половину лишь буду учен! Но за то я не вдвое ли счастлив? И не учусь ли я также, когда по изящному стану Тихо спускаюсь рукою, исследую чудныя формы

⁴ Некоторый элемент состязательности с переводчиком Гете можно увидеть и в опубликованном в 1844 году яхонтовском переводе драмы «Торквато Тассо». В переводе Струговщикова к этому времени была издана лишь одна сцена драмы. См.: Сцена из «Торквато Тассо» / Пер. А. Струговщикова // Пантеон рус. и всех европ. театров. СПб., 1840. № 3. С. 101-102.

⁵ Боги, герои и Виланд / Пер. А. Струговщикова // Отеч. записки. СПб., 1839. Т. 2, № 2, отд.3. С. 143-162; Прометей / Пер. А. Струговщикова // Утренняя заря: Альм. СПб., 1839. С. 283-308; Клавиго: Драма в 5 д. / Пер. А. Струговщикова. СПб., 1840. 60 с.; Сцена из «Торквато Тассо» / Пер. А. Струговщикова // Пантеон рус. и всех европ. театров. СПб., 1840. № 3. С. 101-102; Эльпенор и Антиопа: Сцена / Пер. А. Струговщикова // Отеч. записки. СПб., 1845. Т. 39, отд. 1. С. 1-10; Марианна: Роман, заимств. из соч. Гете «Вильгельм Мейстер» / Пер. А.Н. Струговщикова // Отеч. записки. СПб., 1843. Т. 29, № 8, отд. 1. С. 177-228; Земная жизнь и апофеоз художника: Драма в 3 актах / Пер. с нем. [А. Струговщикова]. СПб.: Тип. воен.-учеб. заведений, 1848. 26 с.

<p>Если ж подруга уснет, я уношуся далеко, Глядя на образ прекрасной, где жизнь и покой сочетались; Мысли одна за другою текут вереницей, и тщетно Гаснет лампада. О, други! и тут несказанно добрая, Нежным дыханием сердце она согревает, на долго Римского лика черты, в памяти мне оставляя...</p>	<p>Груди возлюбленной? Только тогда постигаю, как должно, Мрамор; сличаю и мыслю, гляжу осязающим глазом, Зрящей рукой осязаю! Ежели днем и похитит Милая час, иль другой, то всю ночь мне дарует взамену. Часто разумно беседуем мы: ведь не все ж поцелуи и ласки! Сон ли закроет ресницы ей, – тихо лежу я и думаю много: Часто стихами я мыслил, в объятиях девы покоясь, Звучные меры гекзаметра пальцами тихо считая На обнаженном плече! Горячо она дышет в дремоте, Тихое это дыханье мне в грудь проникает глубоко. Хитрый Амур, между тем, возбуждает ночную лампаду, Те времена вспоминая, когда он оказывал тайно Ту же услугу, бывало, своим триумфаторам юным.</p>
--	---

Из сопоставления текстов видно, что перевод Яхонтова куда более точен, чем перевод Струговщикова. Прежде всего, это касается объема текста: элегия Гете состоит из двадцати строк¹, в переводе Яхонтова – двадцать одна строка, в переводе Струговщикова – лишь пятнадцать (что и было с сожалением замечено Белинским). Правда, переводя опущенные Струговщиковым финальные строки элегии, Яхонтов также допускает некоторые отклонения от оригинала. В основном это касается двух завершающих элегию строк («Amor schüret die Lamp' indes und denket der Zeiten, / Da er den nämlichen Dienst seinen Triumvirn getan»), не

¹ Froh empfand ich mich nun auf klassischem Boden begeistert,
Vor- und Mitwelt spricht lauter und reizender mir.
Hier befolgt ich den Rat, durchblättere die Werke der Alten
Mit geschäftiger Hand, täglich mit neuem Genuß.
Aber die Nächte hindurch hält Amor mich anders beschäftigt;
Werd ich auch halb nur gelehrt, bin ich doch doppelt beglückt;
Und belehr ich mich nicht, indem ich des lieblichen Busens
Formen spähe, die Hand leite die Hüften hinab?
Dann versteh ich den Marmor erst recht: ich denk und vergleiche.
Sehe mit fühlendem Aug', fühle mit sehender Hand.
Raubt die liebste denn gleich mir einige Stunden des Tages,
Gibt sie die Stunden der Nacht mir zu Entschädigung hin.
Wird doch nicht immer geküßt, es wird vernünftig gesprochen;
Überfällt sie der Schlaf, lieg ich und denke mir viel.
Oftmals hab ich auch schon in ihren Armen gedichtet
Und des Hexameters Maß leise mit fingernder Hand
Ihr auf den Rücken gezählt. Sie atmet in lieblichem Schlummer,
Und es durchglüheth ihr Hauch mir bis ins Tiefste der Brust.
Amor schüret die Lamp' indes und denket der Zeiten,
Da er den nämlichen Dienst seinen Triumvirn getan. [9, S. 258-259]

только превращенных Яхонтовым в три строки, но и содержательно домысленных: Амур (в немецком тексте упоминание его имени принципиально, поскольку Амур является не только именем бога любви, но и анаграммой латинского названия Рима – Roma) наделяется отсутствующим у Гете определением «хитрый», лампа становится лампадой, а члены триумвирата – юными триумфаторами.

Во всех остальных случаях Яхонтов достаточно бережен по отношению к деталям гетевского текста, искаженным или вообще отсутствующим в переводе Струговщикова. Например, не только неловкое, но и не соответствующее гетевскому выражение Струговщикова «...пусть в половину / Буду я только учен, да за это блажен я **трикраты!**» у Яхонтова точно передает смысл шестой строки оригинала («Werd ich auch halb nur gelehrt, bin ich doch **doppelt beglückt**») – «Пусть в половину лишь буду учен! Но за то я не **вдвое** ли **счастлив?**».

В качестве еще одного примера, свидетельствующего о точном следовании переводу Яхонтова оригиналу, рассмотрим следующие строки элегии:

Und belehr ich mich nicht, indem ich des lieblichen Busens
Formen spähe, die Hand leite die Hüften hinab?
Dann versteh ich den Marmor erst recht: ich denk und vergleiche.
Sehe mit fühlendem Aug', fühle mit sehender Hand.

В переводе Струговщикова эти строки выглядят так:

Впрочем, учиться могу я и тут, как везде созерцая
Формы живые лучшего в мире создания; в ту пору
Глазом смотрю осязающим, зрящей рукой осязаю;
Тайну искусства, мрамор и краски вполне изучая.

Лишая текст конкретных эротических деталей, при помощи которых Гете создает предельно зримый, чувственный образ, Струговщикова затемняет сам смысл элегии, строящейся на контаминации эротических и собственно творческих мотивов и образов. Заметим, что оригинальное название цикла Гете – «Erotica Romana», замененное в первом издании на «Элегии», лишь в 1806 году приобрело привычный заголовок «Римские элегии».

Яхонтов передает эти оттенки смысла, предельно четко следуя оригинальному тексту:

И не учусь ли я также, **когда по изящному стану**
Тихо спускаюсь рукою, исследую чудные формы
Грудь возлюбленной? Только тогда постигаю, как должно,
Мрамор; сличаю и мыслю, гляжу осязающим глазом,
Зрящей рукой осязаю! <...>

В переводе Струговщикова отсутствует и один из наиболее ярких фрагментов элегии:

Oftmals hab ich auch schon in ihren Armen gedichtet
Und des Hexameters Maß leise mit fingernder Hand
Ihr auf den Rücken gezählt. <...>

Ключевой для гетевского текста мотив поэтического творчества, соединенный с мотивом любовной игры и, более того, наделенный равным с ним аксиологическим статусом, в переводе Яхонтова ничуть не теряет той, зафиксированной в жесте, выразительности, которая свойственна элегии Гете:

Часто стихами я мыслил, в объятиях девы покоясь,
Звучные меры гекзаметра пальцами тихо считая
На обнаженном плече! <...>

Как показывает сопоставление двух переводов, молодому поэту, действительно, удалось приблизиться к подлиннику в большей степени, нежели это было сделано у особенно ценимого критиком «Отечественных записок» А. Струговщикова².

² Известно, что переводами А.Н. Струговщикова из Гете Белинский заинтересовался еще в 1838 году. «Если Вы знакомы с Струговщиконым, – писал он И.И. Панаеву 10 августа 1838 г., – то попросите у него чего-нибудь для меня...». Из письма Панаеву от 22 февраля 1839 г.: «Надеюсь еще сойтись с г. Струговщиконым... его элегии <имеется в виду перевод «Римских элегий»>, пересланные ко мне через Вас, – я

Между тем, рассмотренный нами перевод V-й элегии так и остался неопубликованным. В изданный в 1884 году сборник своих сочинений Яхонтов помещает несколько видоизмененный вариант перевода, датируя его 1860-м годом:

Радостно чувствую я вдохновенье на этой классической почве!
Нынешний век и минувший понятней мне здесь говорят.
Здесь я у древних учусь и, что день, с наслаждением новым,
Трудолюбивой рукой их люблю перелистывать тихо.
Но по ночам бог любви занимает пришельца иначе:
Пусть вполонину лишь буду учен: не вдвойне ли я счастлив за то?
И не учусь ли я также, когда по изящному стану
Тихо спускаюсь рукою, исследую чудныя формы
Груды возлюбленной? Только тогда постигаю, как должно,
Мрамор; слышу и мыслю, гляжу осязающим глазом,
Зрящей рукой осязаю! Ежели час, иль другой
Милая днем и похитит, то ночь всю дарит мне взамену.
Часто – не все ж поцелуи – разумно беседуем мы.
Сном ли забудется, – смиренно лежу я и думаю много:
Часто стихи я слагал, оставаясь в объятьях ея,
Звучныя стопы гексаметра пальцами тихо считая
На обнаженном плече. Горячо она дышет в дремоте,
Сладость дыханья ея глубоко проникает мне в грудь.
Молча Амур, между тем, возбуждает ночную лампаду,
Те времена вспоминая, когда он оказывал тайно
Ту же услугу и встарь триумфаторам юным своим. [8, с. 83]

Что касается собственно стилистической правки, то она минимальна: несколько легкомысленное, поверхностное, и к тому же уже употребленное Струговщиковым, «Весело мне!» в первой строке Яхонтов заменяет на выражение, более адекватное настроению оригинала («**Froh empfind ich mich nun auf klassischem Boden begeistert...**») – «Радостно чувствую я вдохновенье...». Высокий стиль глагола «вещают» во второй строке снимается нейтральным, лишенным пафоса глаголом «говорят». Ср. у Гете: «Vor- und Mitwelt **spricht** lauter und reizender mir». В переводе 1860 года появляется и отсутствующее в первом варианте, однако характерное для гетевского текста, определение – «Здесь я у древних учусь и, что день, с наслаждением новым, / **Трудолюбивой рукой** их люблю перелистывать тихо» («**Hier befolgt ich den Rat, durchblättere die Werke der Alten / Mit geschäftiger Hand, täglich mit neuem Genuß**»).

Принципиальные изменения коснулись собственно стиховой организации элегии, об особом назначении которой писал Белинский: «Из новейших языков только немецкий и русский могут иметь гекзаметр и уже по одному этому более других способны к передаче древних произведений и к оригинальному созданию в их духе» [2, с. 122]. При этом критик замечал, что «несмотря на неотъемлемое достоинство стихов г. Струговщикова, <...> бороться с гекзаметром Гете мог бы только разве Пушкин. Желание вернее передавать подлинник нередко отвлекало переводчика от заботливой отделки гексаметра, – размера, по преимуществу гармонического и пластического, – и потому у него иногда попадают стихи, подобные следующему:

Гаснет лампада. О други! *и тут, несказанно добрая*, и пр.

Но это только недостаток отделки, который переводчику всегда легко исправить» [2, с. 122].

Во многом именно этот недостаток и «исправляет» Яхонтов, дважды работая с одним и тем же текстом. Известно, что распространенный как в немецком, так и в русском стихосложении гекзаметр представляет собой стих с шестью ударениями, с одним или, чаще, двумя безударными слогами (шестистопный дактиль с возможной заменой каждой дактилической обязан им такими минутами, каких не много бывает в жизни. В этих прекрасных гекзаметрах душа моя купалась, как в волнах океана жизни» [1, с. 582].

стопы – хорейческой) и с серединой цезурой. Перевод 1860 года, систематически акцентирующий только первый слог в трехдольной стопе, создает достаточно однообразный константный ритм стиха, делая его звучание более размеренным, четким. В переводе Струговщикова плавность ритма нарушается неравномерно расположенными паузами (чаще после второй стопы), отяжеляющими и постоянно перебивающими заданный ритм. Эти перебивы, хотя и не такие явные (цезура возникает, в основном, после третьей стопы), характерны и для первого перевода Яхонтова.

Большую упорядоченность в переводе 1860-го года приобретает и характерное для элегии Гете чередование женской и мужской рифмы, в то время как перевод Струговщикова и первый перевод Яхонтова строятся на использовании сплошной женской рифмы.

Кропотливая работа А.Н. Яхонтова над переводом элегии демонстрирует не только поэтическое чутье и внимательное, трепетное отношение к слову в его содержательном и формальном аспектах, но и является свидетельством того, как постепенно выкристаллизовывался, возвращался его талант переводчика, стремившегося занять собственное место в истории русской литературы. Кстати, этот талант, в результате, был замечен и Белинским, который в статье «Русская литература в 1844 году» упоминает не только о переводах А. Струговщикова, но и положительно отзывается о первом значительном переводе А. Яхонтова: «Из переводных стихотворений замечательнее всего, по обыкновению, были переводы г. Струговщикова из Гете. <...> Как об опыте, заслуживающем внимания, должно упомянуть о переводе г. Яхонтова «Торквато Тассо», драмы Гете (8-я книжка «Отечественных записок»)» [3, с. 214].

Литература

1. Белинский В.Г. Римские элегии. Сочинение Гете. Перевод А. Струговщикова // Белинский В.Г. Собрание сочинений. В 9-ти томах. Т. 3. Статьи, рецензии, заметки. Февраль 1840 – февраль 1841. М., 1978. С. 412-414.
2. Белинский В.Г. Римские элегии. Сочинение Гете. Перевод Струговщикова // Белинский В.Г. Собрание сочинений. В 9-ти томах. Т. 4. Статьи, рецензии и заметки, март 1841 – март 1842. М., 1979. С. 94-124.
3. Белинский В.Г. Русская литература в 1844 году // Белинский В.Г. Собрание сочинений. В 9-ти томах. Т. 7. Статьи, рецензии и заметки (декабрь 1843 – август 1845). М., 1981. С. 164-217.
4. Из рукописей поэта А.Н. Яхонтова. Наши публикации – неизвестные переводы отрывка IV-й и XVII-й «Римских элегий» Гете // Молодой ленинец, № 66 (1062), 4 июня 1964 г.
5. Из рукописного наследия А.Н. Яхонтова. 5-ая «Римская элегия» Гёте // Светлый путь, № 81 (4796), 6 июля 1968 г., с. 4.
6. Римские элегии. Сочинение Гете. [Перевод и предисловие А. Струговщикова]. СПб.: тип. Е. Фишера, [1839].
7. Римские элегии, пер. А.Н. Струговщикова // Сочинения Вольфганга Гете в русском переводе. Под ред. П. Вейнберга. Т. 4. СПб., 1867.
8. Стихотворения Александра Яхонтова. СПб., 1884.
9. Johann Wolfgang von Goethe. Römische Elegien V // Goethes Werke in zehn Bänden. Vierten Band. Weimar und Italien. Volksverlag Weimar, 1962, S. 258-259.